

чило, а скорее, и предопределило, последующий захват Киева подошедшими вслед за петлюровцами советскими войсками¹⁶⁵.

8.3.4.6. Падение Киева

22 января члены Центральной Рады перед лицом неизбежного военного поражения утвердили, наконец, решение «О праве подписания сепаратного мира с германцами в Бресте¹⁶⁶». В этот же день отряды Егорова и Берзина соединились в Дарнице. Также были заняты Труханов остров и Слободка перед мостом через Днепр. План комбинированной атаки Киева одновременно с запада, юга и востока осуществить не удалось¹⁶⁷. Но основные силы уже стояли в городских предместьях и изготавились к штурму. Судя по тону отданных 22 января приказов, Муравьёв рассчитывал захватить Киев с ходу. 1-й армии предписывалось после взятия города организовать охрану «внутри его» и *рекомендовалось* занять почту, телеграф, Государственный банк, вокзалы и мосты. На 2-ю армию возлагалась внешняя охрана, для чего следовало «...завтра утром пройти весь город и занять выходы из него к западу...». Зара-

¹⁶⁵ Вот, например, что пишет по этому поводу В.А. Савченко: «...восстание породило у жителей Киева неуверенность и разочарованность во власти Центральной Рады, обескровило и обессилило части УНР, подготовило почву для штурма Киева воинством Муравьёва».

¹⁶⁶ Также Рада датой созыва Украинского Учредительного собрания определила 2(15) февраля 1918 г. Практического значения это запоздалое решение по понятным причинам уже не имело.

¹⁶⁷ Части 2-го Гвардейского корпуса остановились у Казатина и Бердичева и далее не продвигались. Из 3-й армии были изъяты отряды, с самого начала определённые для отправки на Дон. Тем не менее, Кудинский всё же попытался осуществить задуманный Муравьёвым обходной манёвр. До тысячи московских красногвардейцев продвинулись от Гребёнки к югу, переправились у Золотоноши через Днепр и заняли Черкассы. 24 января при поддержке восставших рабочих Бобринских мастерских с бою была взята и станция Смела. Однако на следующий день красногвардейцы были атакованы подошедшей украинской частью, отошли к Черкассам и, поддавшись панике, в спешке переправились обратно на левый берег. Для их поддержки был выслан бронепоезд, который и восстановил положение. Всё же дальнейшее продвижение по Правобережью обусловлено было не активностью советских войск, а общим развалом гражданских и военных структур УНР. Говорить об обходном движении 3-й армии с юга после неудачи под Смелой, конечно же, не приходилось.

нее был назначен и комендант – командир бронепоезда матрос А.В. Полупанов.

23 января Муравьёв отдал приказ об общем наступлении на Киев. 1-я армия Егорова должна была захватить железнодорожный мост и продвигаться к центру города, 2-я армия Берзина – Цепной. Однако первые атаки не принесли ожидаемого успеха. Цепной мост так и не был взят. По железнодорожному мосту бронепоезд Полупанова проскочил на правый берег, но не поддержанный залёгшей и окопавшейся пехотой, далее продвигаться не мог.

Вечером 23 января под литером «Всем! Всем! Всем!» появилась радиogramма ЦИК Ук, в которой сообщалось о занятии Киева войсками, «предводимыми Помнарсекретаря по военным делам тов. Коцюбинским»¹⁶⁸. В свою очередь, и также «всем», телеграфировал и Муравьёв:

«...после двухнедельного похода, после ряда боёв под Полтавой, Ромоданом, Гребёнкой, Бахмачем, наконец, после ожесточённого боя под Киевом, Киев занят революционными войсками, хотя местами ещё продолжается уличный бой. Заключённые в крепости Киевские рабочие числом 500 человек освобождены¹⁶⁹, снова взялись за оружие против заклятых врагов. Взятие Киева было произведено революционной армией, во главе с Егоровым и сплошь состоящей из красногвардейцев...»

Киев, между тем, ещё не был взят, и «уличные бои» только лишь разгорались. Успех всё же постепенно склонялся на сторону имеющих значительное превосходство советских отрядов.

В ночь на 24 января конный отряд Примакова в 198 сабель продвинулся вдоль берега к северу, у Межигорского монастыря переправился по льду через Днепр и к утру, не встречая сопротивления, ворвался на Подол. Здесь Рада располагала лишь ба-

¹⁶⁸ За несколько дней до штурма Киева Народный секретариат, «...чтобы смягчить впечатление от ряда Муравьёвских бестактностей», назначил Ю.М. Коцюбинского «Главнокомандующим всеми частями». На деле же военная власть оставалась целиком и полностью в руках Муравьёва.

¹⁶⁹ Имеется в виду вылазка отряда Д.П. Жлобы, о которой будет сказано ниже.

тальяном 2-й юнкерской школы. Однако 110 «чёрных» гайдамаков сумели организовать оборону и отбили несколько атак «червонцев». Вскоре к ним прибыли солдаты-парламентёры одного из нейтральных полков, которые предложили юнкерам уйти с Подола и заявили, что в противном случае полк присоединится к советским войскам и атакует здание школы. Юнкера вынуждены были отойти на Крещатик, к Купеческому собранию, где занимали оборону основные силы защитников города. А Примаков, действовавший решительно и смело, вместе с вновь вышедшими на улицы красногвардейцами, за день занял весь Подол, Куренёвку¹⁷⁰ и железнодорожную станцию Пост-Волинский.

Некоторого успеха добился 24 января Егоров. От железнодорожного моста его отряды стали медленно продвигаться в киевские предместья и к вечеру заняли станцию Киев-товарный-II.

Удача в этот день сопутствовала и Берзину. После артиллерийской подготовки красногвардейцы вновь штурмовали Цепной мост. Прикрывая собой пехоту, впереди шёл броневик. Однако, едва въехав на мост, он был подбит и остановился. Атака, казалось, захлебнулась, но тут с колокольни Печёрской лавры в спину обороняющимся ударил пулемёт¹⁷¹. В это же

¹⁷⁰ Куренёвские рабочие показали место у завода Гретера, где располагался аэродром. Отряд, состоявший из двенадцати «червонных казаков» и тринадцати красногвардейцев, пробрался к лётному полю и без выстрела снял незначительный караул. Примаков не мог быть уверен в том, что сможет удержать территорию аэродрома, и не знал, что делать с обнаруженными в палатках-ангарах двенадцатью аэропланами. Он ограничился тем, что отдал приказ, пропеллеры изрубить, а моторы повредить обнаруженными среди инструментов молотами. Вскоре после этого к лётному полю подъехали грузовик с лётчиками и легковой автомобиль начальника аэродрома полковника Нечитайло. Все они были тут же захвачены и под охраной препровождены на левый берег. В несколько часов УНР лишилась всей своей авиации.

¹⁷¹ Вечером 23 января командир отряда донбасских красногвардейцев, входившего в состав 1-й армии Егорова, Д.П. Жлоба в Дарнице получил сведения о нахождении на гарнизонной гауптвахте в Киево-Печёрской лавре 483 захваченных рабочих «Арсенала». Обратившись к командованию с предложением атаковать Лавру и освободить пленных и получив отказ, Жлоба решил действовать на свой страх и риск. С группой из 150–180 добровольцев в ночь на 24 января он переправился по льду через Днепр и, сбив караулы, занял Лавру, которую совместно с освобождёнными рабочими удерживал в течение суток до подхода основных сил отряда.

время к Цепному мосту стали подходить и отряды, высланные Егоровым на помощь Берзину. Посчитав себя окружёнными, петлюровцы предпочли отступить. Преследуя их, красногвардейцы заняли также и казармы 6-го понтонного батальона, где были освобождены до 80 солдат и несколько рабочих-арсенальцев.

Вся украинская оборона подалась от берега Днепра на запад. Части отходили постепенно к Николаевскому собору, «Арсеналу» и далее, к Политехническому институту. Среди солдат распространялись нелепые, но легко подхватываемые слухи о том, что они отходят «на отдых». В результате, в районе «Арсенала», ключевом пункте обороны, укрепились не более двухсот гайдамаков. Ближе к полуночи отряд балтийских матросов в 500 штыков пробрался по днепровским склонам в тыл гайдамакам, защищавшим «Арсенал», и штыковой атакой сбил полк имени Дорошенко с занимаемой позиции. «Дорошенковцы» отступили к Мариинскому дворцу, от которого до Крещатика оставалось не более 400 метров. После этого Совет министров УНР перебрался в здание военного министерства под охрану нескольких десятков офицеров.

И тут, когда наступление советских войск получило, наконец, развитие, случился любопытный эпизод. Муравьёв получил известие о занятии петлюровцами Кременчуга. Удивительным образом бодрость и уверенность в успехе сменилась у него едва ли не паникой. Посчитав, что Рада подготовила и наносит контрудар во фланг с целью отрезать его войска от Полтавы, Муравьёв разослал телеграммы с призывом о помощи, адресованные Антонову-Овсеенко, «харьковским товарищам», Тер-Арутюнянцу в Ставку и даже в Екатеринослав. Но беспокойство его оказалось беспочвенным. Вскоре Беленкович, с направлен-

Следует отметить, что этот эпизод, известный из доклада и со слов самого Жлобы, по понятным причинам не находил широкого освещения в советских источниках вплоть до начала 60-х и, видимо, нуждается в подтверждении. Не упоминают о нём ни Е. Бош, ни Д. Эрдэ, ни даже Антонов-Овсеенко. Весьма скептически относится к изложенной версии событий и В.А. Савченко. По его словам в Лавре находились не более ста рабочих. Об участии в их освобождении Жлобы, как впрочем, и о самой вылазке, Савченко также умалчивает.

ным из Полтавы незначительным отрядом, оттеснил несколько десятков гайдамаков и вновь занял Кременчуг. Сил для решительных действий и серьёзных ударов вне Киева у УНР уже не оставалось.

Если 24 января отдельные члены Рады ещё сохраняли какие-то надежды, требовали «собрать все силы, ударить по Дарнице и разбить большевиков» и убеждали друг друга в том, что с юга подходят многочисленные отряды «вольных казаков», то после отступления от Днепра последние иллюзии исчезли. Всё же считалось, что Киев необходимо отстаивать ещё несколько дней. Все понимали: страна, не сумевшая защитить свою столицу, не только потеряет лицо при подписании мирного договора, но и вынуждена будет принять любые, продиктованные оппонентом, условия его заключения. Никто не мог знать наверняка, будут ли немцы в случае оставления Киева продолжать с УНР вообще какие-либо переговоры.

Утром 25 января Муравьёв издал новый приказ. 1-й армии ставилась задача занять все железнодорожные станции, улицы Фундуклеевскую¹⁷², Владимирскую, Крещатик и Купеческий сад. Также предписывалось вывести бронепоезд Полупанова на участок между станцией Киев-товарный и вокзалом и оттуда «охранять город с запада и одновременно громить западную часть города». 2-й армии предписывалось очистить от противника «Арсенал», Печёрск, крепость со всеми прилегающими к ней высотами и Лавру.

Особо Муравьёв напоминал о том, чтобы артиллерийский обстрел незанятой части Киева продолжался. Егорову он рекомендовал ввести в город Брянскую батарею, Берзину – одну или две батареи «для уличного боя». Помимо этого, Егорову предписывалось: «...Сегодня усилить канонаду, громить беспощадно город, главным образом, Лукьяновку с Киева-пассажирского. Возьмите остатки 11-го полка, горную батарею, назначьте, рекомендую, ответственным начальником Стеценко, который организовал горную батарею, чтобы он с Киева-пассажирского двинулся вверх по городу и громил его. Если же солдаты 11-го

¹⁷² Ныне улица Богдана Хмельницкого.

полка будут действовать трусливо¹⁷³, то скажите Стеценко, чтобы он подогнал их сзади шрапнелью. Не стесняйтесь, пусть артиллерия негодяев и трусов не щадит».

Обстрел города, начавшийся 23 января, уже не прекращался до самого конца. О прицельном поражении противника тяжёлой артиллерией в условиях уличных боёв говорить не приходилось, обстреливались городские кварталы. Понятно, что разрушались при этом жилые здания, а основные потери несло мирное население.

С утра 25 января войска Егорова и Берзина двинулись вперёд. В это же самое время и Рада предприняла последнюю отчаянную попытку переломить ход боёв за город в свою пользу и отбросить противника на левый берег. До 700 петлюровцев атаковали позиции вдвое превосходивших их численно красногвардейцев у «Арсенала». Встречный бой длился несколько часов и победителя не выявил. Советские отряды на этом участке продвинуться к центру города не смогли. Но и петлюровцы к вечеру вынуждены были прекратить атаки и отойти на исходные позиции.

Другие части 2-й армии Берзина пытались от Подола спуститься к Крещатику и Царскому Саду. Противостояли им гайдамаки Слободского коша, которым также удалось отбить все атаки. Но в это же самое время отряды Егорова, продвигаясь вдоль железной дороги, захватили вокзал и были остановлены лишь выдвинувшимися навстречу последними резервами – сводным офицерским полком и вольными казаками.

К вечеру части УНР удерживали лишь Крещатик и Бибиковский бульвар. Войска потеряли оба вокзала и находились в полуокружении. Лишь Брест-Литовское шоссе не было ещё перерезано советскими отрядами. К этому времени стало известно о принципиальном согласии немцев подписать договор и предоставить военную помощь. Защищать Киев далее уже не

¹⁷³ По свидетельству В.А. Савченко, солдаты Старой армии особого рвения в уличных боях не проявляли. В частности, 11-й Сибирский стрелковый полк, войдя в город, «затерялся в сложных лабиринтах киевских улиц». Солдаты разбрелись, кто куда и вперёд идти упорно не желали. Вновь собрать их удалось не сразу и далеко не всех.

требовалось. Впрочем, вне зависимости от политической целесообразности, это было уже невозможно. На заседании Рады премьер объявил о немедленной эвакуации армии и правительственных учреждений.

В ночь на 26 января растрёпанные украинские части стали сниматься с позиций и стягиваться к Брест-Литовскому шоссе. Под охраной сечевых стрелцов проследовали на автомобилях высшие чиновники Рады. За ними прошёл обоз с ранеными и больными, а замыкали колонну остатки семи республиканских полков. Последними отошли от Мариинского дворца юнкера и «дорошенковцы».

С утра в штаб советских войск прибыла делегация Городской думы, которая просила «во имя Украинской Советской власти» прекратить обстрел города. Бывшие при штабе народные секретари Ауссем, Коцюбинский и Лапчинский выдвинули условия капитуляции¹⁷⁴. Делегаты пообещали передать эти требования «на обсуждение общественных деятелей» и через два часа вернуться с ответом. Но уже не вернулись.

Отступление к пригородному селу Игнатовке продолжалось в течение всего дня 26 января. Прикрывали его со стороны Крещатика гайдамаки с Петлюрой во главе и вольные казаки, у Мариинского дворца – офицерский отряд Болбочана. Утром части Берзина заняли без боя «Арсенал» и оттеснили к Купеческому собранию упорно сопротивлявшихся офицеров. Там Болбочан соединился с петлюровцами. С 11 утра со стороны Подола и Печёрска красногвардейцы повели атаки этой последней линии обороны. Несмотря на 5–6-кратное превосходство защитники города продолжали оказывать ожесточённое сопротивление, а в 15 часов даже и контратаковали. Пользуясь наступившим вслед за этим непродолжительным затишьем, отряд через Га-

¹⁷⁴ Заявлено было следующее «...обстрел города может быть приостановлен только в том случае, когда:

1) сегодня же, 26 января, в 3 часа дня все лица, ведущие на улицах вооружённую борьбу против революционных масс, сдадут оружие и вывезут его на площадь перед вокзалом Киев-пассажирский;

2) к этому же времени выдать всех виновников контрреволюционного движения в Киеве, членов *так называемого* Генерального Секретариата, министров и военного коменданта».

лицкую площадь стал отходить к Брест-Литовскому шоссе. Севернее вокзала к Петлюре и Болбочану присоединились несколько сот солдат из «нейтральных» полков, с которыми Муравьёв умудрился начать едва ли не полномасштабные военные действия¹⁷⁵, и остатки «полуботковцев». К 8 часам вечера увеличившийся численно более чем втрое отряд вышел из города.

Киев был сдан...

Нельзя не задаться вопросом. Как произошло, что Рада, имевшая устоявшийся государственно-административный аппарат, располагавшая всеми необходимыми ресурсами и, главное, значительной военной силой, была полностью разгромлена и потеряла всё в две с половиной недели?

Вот что пишет по этому поводу Деникин: «Во всех этих событиях, в точности повторяющих повесть падения других русских городов и областей, поражает полное отсутствие национального момента в идее борьбы или, по крайней мере, совершенно ничтожное его знание. Советское правительство объявило, что оно ведёт борьбу не против Украинской республики, а против центральной рады, ввиду ее «явно контрреволюционной политики». Этому лозунгу – лживому, но, по крайней мере, определённому и популярному в массах, Украина могла противопоставить лишь полный разброд народных устремлений... Но клич – «Хай живе вильна Украина» совершенно не будил ни разума, ни чувства в сколько-нибудь широких кругах населения...

...было ясно, что большевизм советов побеждал психологически полубольшевизм Рады, петроградский централизм брал верх над киевским сепаратизмом».

Всё же думается, национальный момент сыграл определённый

¹⁷⁵ Едва войска стали занимать центр города, Муравьёв сразу же приступил к разоружению украинских полков, которые не принимали участие в боевых действиях и изначально заявили о нейтралитете. Солдат при этом возмутил не сам факт сдачи оружия, а то, как с ними при этом обращались. Со свойственной ему недальновидной бравадой Муравьёв обвинил полки в контрреволюционных настроениях и заявил, что не остановится перед применением артиллерии. В итоге, вместо того, чтобы организовать надлежащим образом преследование уходящих петлюровцев, пришлось держать части в городе наготове, впредь до сглаживания искусственно созданной неприятной ситуации. При этом, в обстановке неразберихи орудия продолжали до вечера обстреливать давно уже оставленные войсками УНР городские кварталы.

ную роль и не его недостаток обусловил падение Рады. Едва лишь созданное Украинское государство изначально подтачивали и ослабляли повсеместно возникшие одновременно с ним Советы¹⁷⁶. Пользующиеся поддержкой значительной части населения, имевшими в своём распоряжении отряды вооружённых рабочих, а зачастую и части гарнизона. Главное – получившие вполне осязаемую власть и вовсе не желавшие с ней расставаться.

Что же касается войск, то и они, даже и украинизированные, после развала армии были пронизаны влиянием солдатских комитетов, проникнуты духом «нейтралитета» и воевать не желали. Лишь добровольческие подразделения сражались до конца, но их усилий, как и на Юге России, оказалось явно недостаточно...

Тем не менее, части, верные Раде, в Киеве была разбиты, но не уничтожены полностью. Брест-Литовское шоссе во время штурма никем не охранялось. Если бы оно было своевременно перерезано советскими войсками, кольцо окружения вокруг Киева неизбежно замкнулось. Но и 26 и 27 января остатки украинских полков отходили на Житомир по узкому коридору. С севера от него, буквально в нескольких километрах стояли отряды Берзина, с юга – Егорова. Более того, части 2-го Гвардейского корпуса заняли к этому времени Фастов и также могли, казалось, нанести последний сокрушительный удар.

Однако этого не последовало¹⁷⁷. И дело тут не только и не

¹⁷⁶ И здесь действительно просматривается аналогия с ситуацией в Центральной Россией, где во многом по этой же причине в несколько дней захлебнулось Корниловское выступление и пало правительство Керенского. Любые попытки выступить в их защиту были немедленно парализованы Советами, как в центре, так и на местах. Любопытно в этом отношении донесение, направленное Раде Уполномоченным Волынской губернии Копе, характеризующем ситуацию в Дубно. «В городе ожидалось столкновение между большевиками и украинцами, – сообщал он. – Одновременно действуют – или вернее бездействуют – комиссариат, Рада, большевистский военно-революционный комитет и милиция, без всякого контакта и согласия...» И подобное положение вещей было характерным практически для всех губернских и уездных городов Украины.

¹⁷⁷ Лишь к 3(17) февраля части корпуса продвинулись к Бердичеву. Комиссар Юго-Западного фронта Н.Н. Кузьмин докладывал Подвойскому: «Бердичев взят. Один убит и 8 раненых, взято пять броневиков и батарея. По сведениям, Центральная рада из Житомира хочет бежать на Луцк, Дубно, Ровно. Сарны в наших руках. Из Бердичева и Коростеня предпринимают операции на Житомир. Городское самоуправление и гарнизон Житомира просят раду убраться...»

столько во вспыхнувшем конфликте с нейтральными полками гарнизона, потребовавшем отвлечения немалого количества войск, сколько в недооценке всех возможных последствий незавершённости проведённой операции. Красногвардейцы были уверены, что со взятием Киева победа будет обеспечена и военные действия прекратятся сами собой. Того же мнения придерживалось большинство командного состава, не исключая и Муравьёва. Во всяком случае, прежней решительности в последние дни боёв он не проявил. Окружение Киева в приказах обозначалось, но настойчивости при выполнении этих приказов явно не хватало. Что же касается «червонных казаков» Примакова, то отряду в пару сотен сабель было просто не под силу не только разгромить, но даже и задержать многотысячную колонну сохранивших боеспособность украинских войск.

Вскоре Муравьёв по прямому проводу докладывал Ленину: «Сообщаю, дорогой Владимир Ильич, что порядок в городе восстановлен... Разоружённый город приходит понемногу в нормальное положение до бомбардировки... Остатки войск Рады отступили на Житомир, где Петлюра и Порш вербуют из гимназистов дружину, но, конечно, *мы не придаём этому значения...*»

И вот что пишет, будто отвечая ему, Антонов-Овсеенко: «...характерно и другое – это ошибка в оценке дальнейшей роли Центральной Рады. В этом, впрочем, просчитался не один Муравьёв. Мы на Украине тогда все не были в курсе той политики, которую немцы вели по отношению к Украинской Раде...

...8 февраля Рада бежала из Киева в Житомир, и преследование её не было толком организовано. А уже 9-го¹⁷⁸ Центр. Рада подписала с немцами сепаратный мир...»

8.3.4.7. Донецко-Криворожская республика

Своими необдуманными действиями Муравьёв в короткий срок настроил против себя решительно всех. К ставшей уже привычной бесцеремонности добавилось и нечто иное. Муравьёв совершенно не учитывал того, что Киев – не один из провинциальных городов средней полосы, а столица заявлявшей о

¹⁷⁸ Соответственно, 26 и 27 января 1918 г. по старому стилю.